

Катастрофа вполне реальная

— Сергей Владимирович, как вы относитесь к заявлениям о том, что мир катится в экологическую бездну, ресурсы планеты, по оценкам «специалистов», будут исчерпаны чуть ли не в ближайшие 50–100 лет? В то же время ничего не предпринимается... Словно всем абсолютно безразличен скорый «конец света». Или декларируемые страсти – красивый миф в рамках определенной конъюнктуры?

— Это и миф, и реальность. Когда я учился в школе, а это было лет 25 назад, прочитал доклад Римского клуба, в котором говорилось, что ресурсы планеты будут в основном исчерпаны к 2002 году. А когда наступил 2000-й, оказалось, что никто точно не знает, на какое количество лет хватит еще этих самых ресурсов. Так что зачастую, чтобы напугать, мы придумываем какие-то сказки. Пугаем же по двум причинам: потому что на самом деле – страшно и для того, чтобы обозначить проблему как приоритетную. А что касается истинности, об этом знает только Бог. Яркий пример: 29 сентября в Москве собралась Всемирная конференция по глобальным изменениям климата. Прошла она очень эффектно, ее организовал Владимир Путин, собралась весь цвет науки. В итоге пришли к выводу: сказать, почему они (изменения) происходят – то ли углекислого газа становится больше, то ли по каким-то другим причинам, мы не можем. Основная задача экологической науки сегодня – зафиксировать положение вещей.

Всем ведь давно известно, что идет постепенное повышение температуры, мы знаем, что в почве и в живых организмах происходит накопление тяжелых металлов. Уменьшается количество воды, пригодной для употребле-

ния. И так далее. Причем обо всем этом регулярно докладывается структурам государственного управления. Получается, что одни люди добывают знания, а другие, пользуясь этими знаниями, должны принимать решения. Что последним в голову приходит по этому поводу, нам неизвестно. Это большая тайна. На самом деле наши политики вспоминают об экологии чаще всего перед выборами. Вспомните начало 90-х годов – особенно высокую волну интереса

— Главный вопрос – когда?

— Что касается сроков, то здесь дело вот в чем. Природа имеет свойство до поры до времени самовосстанавливаться, саморегулироваться. Но сейчас мы подходим к критической черте. Понятно, что если перестать выращивать пшеницу, то поле, где она росла, зарастет тем, что его окружает. Пока вокруг еще что-то осталось. Но этот эффект растяжения – не предельный, может лопнуть. Сей-

функционируют, только когда они полноценны.

— Так написано в школьной программе.

— Абсолютно верно. Если из природного сообщества вдруг выпадает какая-нибудь, к примеру, лягушка, то это уже знак, что оно больно, встало на путь деградации. Вы посмотрите на пустынники вокруг Тольятти! Количество и размер их растут не от повышения температуры на планете! Это антропогенное (происходящее

назначение), так называемое «гражданское общество». У нас оно существует только名义上.

— Кто в России следит за состоянием окружающей среды?

— Контроль осуществляется Министерством природных ресурсов. Есть Закон о государственной экологической экспертизе, который не всегда выполняется. Институт экологии, естественно, выполняет роль одного из основных экспертов. В частности,

У КРИТИЧЕСКОЙ

Одно из крупнейших научно-исследовательских учреждений Поволжья – Институт экологии Волжского бассейна Российской академии наук – отмечает в этом году свое 20-летие. В связи с этим возникает прекрасный повод более внимательно взглянуть на него и многое, что касается каждого из нас, в сфере знания о природе, окружающей город Тольятти и всю нашу планету. Для этого мы встретились с некоторыми ведущими учеными института – нынешним заместителем директора по науке ИЭВБ РАН, доктором биологических наук Сергеем Владимировичем Саксоновым и профессором, заслуженным деятелем науки РФ, доктором биологических наук Виктором Ивановичем Попченко, возглавлявшем институт с 1978 по 1983 годы (тогда еще Куйбышевскую биостанцию).

С.В. Саксонов

В.И. Попченко

к экологии. Сейчас выдвигают другие лозунги. И мы за какое-то короткое время изменить ситуацию не можем. Но менять-то ее нужно в первую очередь в нашем сознании. Как говорил профессор Преображенский: «Разруха в головах». Все развитие цивилизации идет по принципу изъятия из окружающей среды ее ресурсов. Так что итоговая катастрофа вполне реальная.

Час все мировое сообщество пришло к выводу, что для поддержания экологической стабильности государства порядка 30 процентов его территории не должно быть вовлечено в хозяйственное использование. В нашей стране ничего подобного мы не видим – как заповедные определены всего около 5 процентов земель.

— А как же Дальний Восток, Сибирь?

— Они давно используются, они – неохраняемые.

— Может привести зарубежный положительный пример?

— В Финляндии неприкасаемых земель – больше 50 процентов!

Кое-что о роли лягушки

— Вы поймите, охрана природы – удел богатых. Наша экономика базируется на изъятии природных ресурсов, причем тотальном. И нас спасает лишь то, что Россия – большая и народу в ней сравнительно мало. Природа позволяет пока себя грабить. Но тигра в дальневосточной тайге уже нет! То есть он есть, но та популяция, что еще сохранилась – в 40 особей, – обречена. Нормальное ее развитие невозможно.

— Но это не определяет жизнеспособность человеческой расы?

— Я бы не сказал! Экологические системы гармонично

под влиянием человеческой деятельности) опустынивание. Причем практически необратимое.

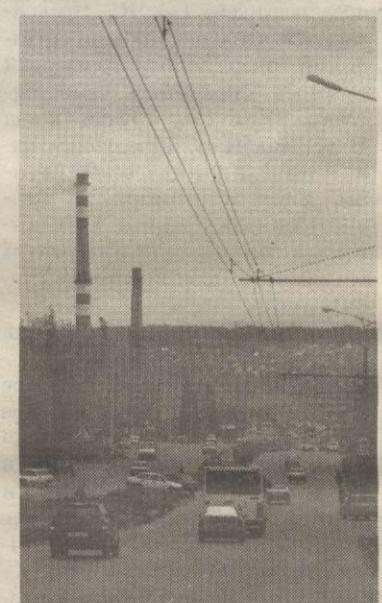
— И мысли управленцев, как вы уже сказали, в это время остаются для учёных-экологов великой тайной? Люди науки не общаются с властью?

— Почему же?! Они входят в правительство. И даже «возмущают бюрократический порядок» и «заставляют» наших законодателей задуматься о природоохране. В частности, в 2001 году принят новый Закон «Об охране окружающей среды». Но ведь выполняют его конкретные люди... Сами понимаете, что это, к сожалению, значит в нашей стране.

— Может быть, нужна более эффективная, чем сильно «увядший» сегодня «Кедр», политическая партия экологов? Ученые-то, смею заметить, совсем не глупее наших политиков.

— Был у нас замечательный советник президента по экологии (при Ельцине еще) – Алексей Владимирович Яблков. И не понадобились в итоге президенту советы члена-корреспондента Академии наук. Но я думаю, что для того, чтобы решать экологические проблемы, не обязательно представлять какую-то партию или находиться в правительстве. На Западе существует очень влиятельная природоохранная сила, «пятая власть», так сказать: негосударственные, некоммерческие орга-

нizations, Виктор Иванович Попченко и я входим в комиссию по принятию генерального плана развития Тольятти. Много про это уже и говорили, и писали. Но людей обычно волнует другая проблема: к нам часто обращаются с просьбой провести анализ воды или почвы на уровень загрязнения, а это не входит в наши непосредственные обязанности. Наш институт по статусу должен

заниматься – и занимается – в основном фундаментальными исследованиями. Наша хозяйствственно-договорная деятельность ограничена по закону.

— А разве нет готовых данных по всей местной территории, по крайней мере вокруг Тольятти, по эколо-

гическому состоянию, возможностям заниматься той или иной деятельностью? Чего-то вроде экологической карты?

– Каждую ситуацию изучать нужно конкретно, потому что во времени и пространстве все меняется. Нельзя сказать, что было десять лет назад, скажем, в Тимофеевке. И нет в России пока определенных официальных структур, четко контролирующих поддержание здоровья окружающей

гических наук Ю. Пастухов, В. Силкин, В. Хаскин. Что случилось?

– Ничего страшного не произошло. Ученого иногда наступает момент в жизни, когда он чувствует, что реализовал себя на определенном поприще. Коновалов замечательно выполнил свою миссию – создал институт. К тому же, Станислава Максимовича избрали в 1988 году по конкурсу директором Института биологии южных мо-

Есть другое мнение

Виктор Попченко, один из непосредственных и главных участников тех событий, на тот момент директор Института экологии Волжского бассейна, рассказал нам чуть больше:

– «Информировал», конечно же, ушедший, а вернее, сбежавший от нас Станислав Коновалов. Находясь уже в Севастополе, он решил забрать отсюда на Украину, в Институт биоло-

гии южных морей часть, причем не самую плохую, оборудования, целевые лаборатории. Замахнулся даже на технику, что работала тогда на строительстве новых корпусов. Помогал ему в этом президент Академии наук Украины. Он и вышел на Г. Марчука с предложением свернуть наш институт, «как не имеющий под собой почвы, как нежизнеспособное научное учреждение».

Крепкое слово

полярника

– Сейчас все благополучно?

– Институту всегда приходится за себя бороться. И, к со-

жалению, больше в сфере проблем не научных, а материальных. Сами посудите, лет 15 назад в институте работало порядка 400 (по другим данным порядка 300. – Авт.) человек. Нам нужны и дворники, и уборщицы, и вахтеры, и электрики, и сантехники. Мы «делимся» с ними собственными, и так небольшими деньгами. Академия почему-то про это не вспоминает (имеются в виду, видимо, правительство и депутаты Госдумы, Академия наук РФ – бюджетная организация. – Авт.).

– Но вы, наверное, один из тех людей, которые знают, как и почему все началось?

– Действительно. Создание каскада гидроэлектростанций в бассейнах крупных рек (еще в рамках плана ГОЭЛРО) повлекло за собой необходимость контроля за происходящими изменениями в природе. Само собой, Волга в этом смысле требовала особого внимания.

– Но все-таки – почему здесь?

– Это особая история. Иван Папанин (легендарный полярник, дважды Герой Советского Союза, контрадмирал, директор Института биологии внутренних вод АН СССР. – Авт.) дал согласие организовать на территории Куйбышевского водохранилища опорный научно-исследовательский пункт – биологическую станцию. Но изначально было решено разместить ее в Ульяновске, на родине Ленина. Когда же Папанин на корабле следовал по Волге к месту предполагаемого строительства, то забыл предупредить капитана, куда именно они идут. В итоге, пока легендарный полярник спал, судно благополучно миновало Ульяновск. Иван Дмитриевич, проснувшись на рассвете, вышел на палубу, начал делать зарядку. Параллельно с интересом осматривал окрестности. Когда же спросил, где они находятся, боцман ответил, что сейчас будут шлюзоваться (через нашу плотину) и следовать дальше прямым курсом на Куйбышев (нынешнюю Самару). Папанин крепко выругался. А это он любил – я хорошо его знал, работал с ним, мы даже жили в одном коттедже. Так вот, сказав что-то типа «черт с ним!», приказал немедленно связаться по радио с обкомом партии. Оттуда тут же распорядились подать к берегу «Волгу». Первый секретарь обкома немного растерянно встретил неожиданного знаменитого гостя. По случаю начал знакомить его с директором КГС Иваном Комзином. На что Папанин возмутился (снова не без крепкого слова): «Ты чего нас знакомишь, голубчик? Нас один и тот же скульптор лепил!». Комзин его успокаивает: «Вань, ты не переживай, сделаем твою биостанцию! Только рядом не с Куйбышевом, а со Ставрополем. Я тебе такое место покажу – не сможешь отказаться!» Садятся в машину и едут прямо в то место, где мы сейчас находимся. Говорят: «Пожалуйста, дарю!». Исторический получился подарок. Было это в 1956 году. Папанин, воодушевленный, возвращается в Москву и там уже уверенно договаривается о строительстве Куйбышевской биостанции (нынешнего Института экологии Волжского бассейна АН РФ). В 1957 году на этот берег высаживается первый научный «десант».

Ян Хельм

нас природы. Правительство сейчас думает о создании чего-то вроде агентства по экологической безопасности. Посмотрим, насколько очередная природоохранная служба будет эффективна. Ведь уже сегодня есть потенциальные наблюдатели – мы с вами, – которые знают, видят проблемы. Но органы управления, то есть чиновники, не принимают эту информацию, потому что не смогут ее реализовать. Городские Комитет по охране природы, гидрометобсерватория этим не занимаются. Хотя бы сделали телефон, по которому кто-нибудь мог просто поговорить с человеком, попавшим в зону бедствия! И сбили бы социальное напряжение. А если бы еще соответствующие экспертизы могли произвести и найти виновников проблемы, наказать их! Законодательство наше это позволяет. Нужно заставить работать законы, заставить изменить отношение людей к природе.

Счастье для всего региона

– Как, на ваш взгляд, развивался институт двадцать прошедших лет – ровно, поступательно? Или были всплески острые углы, напряжение, борьба? Я намекаю на 1988–1989 годы... В это время институт покидают его тогдашний директор Станислав Коновалов, а за них ряд ведущих ученых – доктора биоло-

гии южных морей часть, причем не самую плохую, оборудования, целевые лаборатории. Замахнулся даже на технику, что работала тогда на строительстве новых корпусов. Помогал ему в этом президент Академии наук Украины. Он и вышел на Г. Марчука с предложением свернуть наш институт, «как не имеющий под собой почвы, как нежизнеспособное научное учреждение».

– Кто информировал?

– Сейчас это уже неважно. Было такое поветрие тогда, своеобразная советская конкуренция. На самом деле очень хорошо, что горком, обком партии были заинтересованы в то время, чтобы Тольятти был не только крупным промышленным, но и научным центром. Главное, что ведущее учреждение по проблемам экологии Волжского бассейна сохранилось именно здесь. Это же большое счастье для всего региона – на его территории состоялся академический научно-исследовательский институт.

